Интересно, всегда ли эти стены были такими ослепительно белыми.

Кто решил спрятать души, что омрачают Асгард, укрыв их в самом темном углу из чистого белого камня, отец Одина или отец его отца? Зачем они лишили безупречные пустые холсты этих темниц любых заметных глазу узоров, чтобы даже здесь, в самой глубине, в самой сердцевине заключенные были вынуждены терпеть яркость этого мира?

Локи было скучно, невыносимо скучно. Скучно и тягостно, и ужасно, ужасно ярко; настолько ярко, что когда он просыпался, болели глаза, словно он засыпал под солнцем Муспельхейма.

К нему приходила его ма... Фригга, она была так добра, что передала ему в камеру книги, но спустя более полгода Локи уже знал, что, в конце концов, уступит безумию, которое видел вокруг себя.

Еще в первую неделю один из узников в клетке напротив него набросился и сожрал одного из своих сокамерников, в то время, как его приятели-пленники в равной степени, как и тюремщики, глумились над ним.

А кто бы не стал? Яркая краснота смерти узника, выплеснувшаяся почти малиновыми волнами, словно краска, брызнувшая на идеально подготовленный холст, была единственным цветом, который Локи так живо видел за последние месяцы. Это было прекрасно, так, как может быть прекрасно что-то смертельное. Прекрасно только чтобы созерцать, но не прикасаться.

Краснота на строгих белых стенах была яркой, ярче даже, чем тот цвет, который он видел на обратной стороне век, красочный и теплый, и доброжелательный, как он его себе представлял.

Красный цвет нес в себе так много обещаний.

Однако, если хотя бы на миг быть честным, не было так, словно бы он желал темноты, только не снова. Так, по крайней мере, когда он просыпался, окруженный вечно яркими стенами, то знал, где находится.

- Добрый день, мой Принц, - поддел его стражник, проходя мимо.

Локи сделал тщательно выверенный вздох и развернулся, чтобы еще раз пройтись перед золотым экраном. Значит, сейчас день, но какой день и какого месяца - он не знал. Поначалу он пытался отслеживать свой сон - когда он закрывал глаза и вновь просыпался - но он спал так плохо и так мало, что не мог себе представить, как с его помощью можно измерять время.

Кто бы мог подумать, что среди всего, что могло быть общего у сверкающего города Асгарда и жестоких пыток, придуманных Иным и Таносом, самым главным станет именно полное отсутствие чувства времени - времени, которое осталось единственной постоянной в долгой жизни Локи? Бесконечные дни, день за днем - всегда день, день слепящего белого света и

никакой темноты, никаких сумерек, никакой россыпи звезд над головой, никаких перемен.

Во всяком случае, когда придет Фригга, позднее Локи сможет спросить у нее, какой сейчас день. Спросить, как долго он уже заточен в этой позолоченной клетке Асгарда, носящий тапочки и полагающийся на любые крохи щедрости, какие Царица даровала ему.

Стена в углу скользнула в сторону и по полу проскрипел потертый поднос.

- Ваша еда, мой принц, - насмешливый голос стражника эхом отразился от мраморных стен.

Он осторожно провел над подносом рукой, его сейд простерлась и позволила ему ощутить отклики этого скудного кушанья. Вот оно, нахмурил брови Локи. Он бережно, словно обжег пальцы, прижал к груди руку. Хлеб, он казался испорченным, гнилым внутри еще больше, чем сам Локи.

Он убрал хлеб, а остальное перенес на маленький столик, стоящий в углу его камеры. Еда была скудной для аса, но для Локи вполне достаточно. Он никогда не нуждался в таком же питании, как Тор.

Локи позволил губам скривиться в горькой улыбке, к стражникам он сидел спиной, и никто не мог увидеть то дикое выражение, наводнившее его глаза. Он был дураком, раз раньше не заинтересовался; его предполагаемые родители, золотоволосые царь и царица Асгарда, их старший сын, белокурая громадина, и он, худой темноволосый ребенок, мучающийся из-за своего магического дара. Дурак, потому что поверил, что был родным.

После еды он присел на кровать и уперся локтями в колени. Тонкое тело окутала волна истощения, и какой-то миг Локи заволновался, не пропустил ли он в пище очередную порцию яда. Однако, в этот раз истощение задержалось, решив не выворачивать его желудок. Он взглянул на подушку, отсюда до нее всего лишь несколько шагов - расстояние, казавшееся ему неизмеримым.

Пусть он проспит еще четыре тысячи лет, их все равно не будет достаточно, чтобы стереть воспоминания о том времени, что он провел с Иным; воспоминания, которые он видел, когда закрывал глаза, видел даже в этих чистых белых стенах его камеры. Видел до тех пор, пока сквозь них не проступали новые видения, пока Локи не вставал на тропинки меж судьбами, рассматривая красочные цвета гобелена своей жизни, своих упущенных дорог и выборов, которых он никогда не делал.

“Не надо, будет только хуже”, - сказала она ему.

Она тоже его наказала, так, как могла наказать только мать (Не то чтобы он когда-нибудь это признает, скривился он, да и она не была его матерью. Просто не была ею, и все.) Когда он закрывал глаза, невидимые пряди судьбы тянули его за собой по своим тропинкам, через плетения, сквозь время и пространство, и заставляли Локи изучать нити и натяжения между

различными прядями, заставляли наблюдать за каждой из них до тех пор, пока она не оборвется на скоротечных секундах возбуждения, страха и непреодолимой грусти.

Поначалу он наблюдал именно те нити, что соткала Фригга, чтобы расшевелить и направить его, словно она пыталась подтолкнуть Локи в верном направлении (теперь-то, когда он мог видеть пряди, он повсюду замечал ее шитье), но все никак не могла его спасти.

Он падал с Радужного моста — прямым в самые темные глубины вселенной, прямым в руки Безумного Титана — и так в каждой нити.

Понимание отразилось на Локи телесной болезнью. Стражники подумали, что Локи уступил какому-то яду, который в тот день был добавлен ему в еду, и стояли, хихикая, перед силовым полем, указывая на него и смеясь, в то время как Трикстер, повинувшись рвотным позывам, согнулся над ведром, пока ему наконец не удалось нажать на нужную секцию, чтобы открыть туалет. А дальше даже сейд не защитила его; шок был так велик, что он не смог создать иллюзию, чтобы оградить себя от их надоедливых взглядов, и Локи вспоминалось ощущение желчи, поднимающейся вверх по горлу, да мучительный ожог, опаляющий его желудок.

Мысль, что ничто не могло его спасти, ничто не могло спасти его от этой судьбы, заставила Локи всю душой пожелать конца, не желая ничего большего, кроме как лечь и сдаться, забыть о том, что его создали когда-то - обернуться в ничто, прах к праху - и исчезнуть.

Тогда она сказала ему: “Не надо, будет только хуже”, а Локи ухмыльнулся и огрызнулся “Куда уж хуже”.

Но он знал, что хуже стать может, и знал, отчего. Он знал. Очень хорошо.

В конце концов Иной придет за ним. Комнатная собачка Безумного Титана не позволит провалу Локи в захвате Мидгарда остаться безнаказанным. И, со временем, Танос узнает, что Локи сделал в Мидгарде, разгадает его обман... но теперь уже слишком поздно.

И как же много раз выпадал подходящий момент, случай, когда он думал, что вот сейчас, именно сейчас, может, кто-нибудь все-таки позволит ему заговорить, кто-нибудь все-таки выслушает. А потом, когда его, скованного по рукам и ногам, притащили к Одину, старый дурак только глумился над ним. Всем рассказал, что Локи был ничем, кроме как марионеткой, игрушкой, которая переросла свою пользу для Асгарда, ребенком, который должен был умереть, если бы не великодушные натуры Одина и не его желание трофея. Не прояви он милосердия к ребенку-монстру, не стоял бы сейчас Локи перед Всеотцом.

У Локи было много слабостей, но умолять он не будет. Только не снова. И больше никогда впредь. И если Один - человек, который недавно заявлял о своей любви к нему, как к сыну - не может даже снизойти до того, чтобы спросить его, чтобы потребовать рассказать, почему и зачем, то кто такой Локи, чтобы что-то объяснять? С чего бы это ему, Одину Всеотцу, предположительно одному из самых могущественных богов в Девяти Мирах, обязательно знать о происках Таноса, о том, что выдал Локи, чтобы избежать боли, боли самого абсолютного и

ужасного характера, боли от чернильных ночей и дней, боли от красного, боли от огня и страха, если он смотрит на Локи и видит лишь демона в шкуре аса. Одного лишь монстра, который просто так, без причин, заключит сделку с другим монстром.

И если Асгард сгорит, когда Танос заявится сюда в поисках отмщения, то да будет так.

Он закрыл глаза.

Яркий свет сменил пейзаж, красным цветом написанный на обратной стороне его век — красным, как глаза Ётунов, красным, как его собственная кровь, растекающаяся реками от деяний Иного — он вскинул руку, согнув ее в локте и спрятав лицо в изгибе. Спрятанная за его кистью, комната погрузилась в блаженную темноту, и Локи сосредоточился на дыхании - вдох и выдох.

Ох! Как же он стремился к красному, к тому, что, как он верил, после возвращения с Тором домой ожидает его в Асгарде - топор и конец мучениям. Он все еще помнил ту боль в костях, когда Тессеракт забрал его и Тора, помнил, как от каждого движения пылало его тело, помнил напряжение в рубцах и ранах, которые спустя все это время не смогла стереть даже его сейд.

Но Всеотец никогда не был милосердным. Локи выдохнул, воздух выжег в легких две тропинки. Но и пусть не говорят, что Всеотец был добрым.

В комнате вокруг него царил тишина, и он почувствовал, как проваливается в кровать под гнетом своих мыслей, будто бы белые простыни и одеяло заглывают, надвигаются на него. Уступить им было так легко, так же легко, как и упасть. И отпустить, приветствовать конец, который все никак не приходил.

И вот в этот миг, именно в этот самый миг, Локи захотелось вновь уплыть вдоль нитей, что могли бы растянуться на вечность. Позволить мыслям блуждать, позволить разуму распахнуться и принять заклятие, дарованное ему Фриггой, изучая и внимая, создавая и изобретая и — ох! — желая, чтобы все предстало иначе - что когда он откроет глаза, здесь будет протянутая рука, приглашающая его присоединиться к миру живых и вытягивающая обратно с обрыва его осознанной капитуляции самой Госпоже Смерти. Но надежда подчас - переменчивый зверь.

И ему снятся ясные глаза смертного.

<http://tl.rulate.ru/book/73541/2031473>